

*Искусство
и действительность*

FRANCESCO PETRARCA
DE SECRETO CONFLICTU
CURARUM MEARUM

*Искусство
и действительность*

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА
ПИСЬМО
К ПОТОМКАМ

РИПОД
КЛАССИК

УДК 1/14
ББК 87
ПЗ0

*Перевод с итальянского М. О. Гершензона
Вступительная статья А. В. Маркова*

Петрарка, Франческо

ПЗ0 Письмо к потомкам / Ф. Петрарка ; [пер. с итал. М. О. Гершензона; вступ. ст. А. В. Маркова]. — М. : РИПОЛ классик. — 298 с. — (Искусство и действительность).

ISBN 978-5-519-64835-6

Франческо Петрарка — создатель европейской лирики, впервые обосновавший значение поэта как самобытного мыслителя. В данном издании представлены главные философские труды Петрарки «Письмо к потомкам» и «Книга бесед о презрении к миру». Петрарка показывает себя другом сразу множества эпох и отстаивает обновленный идеал мудреца, не уходящего от мира, а открытого неожиданным событиям мира. Издание снабжено вступительной статьей доктора филологических наук Александра Маркова, раскрывающей место Петрарки в истории мировой культуры.

УДК 1/14
ББК 87

ISBN 978-5-519-64835-6

© Марков А. В., вступительная
статья, 2017

© Издание, оформление. ООО Группа
Компаний «РИПОЛ классик», 2017

АЛЕКСАНДР МАРКОВ

СОЗДАТЕЛЬ ГОРОДА ПОЭТОВ: СЛОВО О ПЕТРАРКЕ

Все знают, что Петрарка первый стал не последователем древних, Вергилия, Цицерона, Августина, а их собеседником. Этим поэт отличается как от деятелей всех «средневековых Возрождений», талантливо продолжавших традицию, так и от Данте, мысль и воображение которого были столь высоки, что следовать он мог лишь призыву свыше. Невидимая грань отделяет Петрарку от лириков предшествующих поколений и эпох, трубадуров или певцов «нового сладостного стиля»: они давали волю воображению, чтобы научить себя созерцанию и искусству любви, тогда как Петрарка, уже будто знающий все правила созерцания, учил искусству воображения.

Форма сонета, появившаяся до Петрарки, но превращенная им в рассказ о перипетиях страсти, стала нормой для всей европейской любовной лирики: сонет самой своей формой приучает к самообладанию даже в порыве стремлений.

Родился Петрарка в 1304 г. в Ареццо, где за три века до него узнал свое рождение Гвидо, изобретатель знакомого всем нам пятилинейного нотного стана, а двумя веками позже произойдет на свет Пьетро Аретино, творец всеевропейской политической журналистики. Петрарка символически стоит между этими двумя фигурами: он тоже избрал свои линейки, границы и регистры лирики, и он тоже стал писать как трибун, хотя обращался в свой век к забытой античной норме политики, а не к действительной неприглядности вещей. Отец Петрарки разделил с Данте горечь изгнания из Флоренции, но если Данте до смерти со слезами ел чужой хлеб, о чем в слезах и говорил, то Петрарка, или Петракко-старший, выдающийся юрист, что тогда называлось нотариус (мы бы сказали — профессиональный чиновник), нашел себе идеальную обитель трудов в Авиньоне, резиденции римских пап в Провансе, где папская курия расположилась вдали от римских смут, приводивших к войне за престол между несколькими «антипапами», но под надзором французской знати, которой проще было договариваться с одним кандидатом.

Петрарка сначала, как и отец, хотел прославиться в юридическом звании и отправился изучать

право сперва в Монпелье, не так уж далеко от Авиньона, а после в Болонье. Возвращение с французских земель на итальянские вовсе не было пересечением культурной границы: скорее, это было движение из городов с хорошо продуманной системой отношений в те города, где авантюра могла вдруг взять верх над вязью правил. Французы не начинали войну без предварительного расчета, тогда как итальянцы без обиняков устраивали междоусобицы, каждый просто чтобы утвердить свою власть над другими хотя бы в пределах единого лишь поколения. Петрарка все больше зачитывался классическими писателями, которых любил еще в детстве, вопреки возражениям отца, но, повзрослев, увидел в них не просто изящных риторов, но законодателей, способных предписывать правила разным поколениям.

По иронии судьбы, хотя отец Петрарки предпочитал крючоктворство поэзии, под конец жизни он остался без средств к существованию; и вернувшийся в Авиньон Петрарка получил по завещанию только томик Вергилия. Оправдать свое обучение он мог бы лишь служением при папском дворе. Папские чиновники сразу оценили молодого товарища, исполнительного и легкого нравом, а приобретенные еще в студенчестве знаком-

ства позволили Петрарке, принявшему священ-
ный сан, даже продвинуться по службе. Но не
успел Петрарка войти до конца в дела папской
канцелярии, как его жизнь оказалась перевернута
полностью: в 1327 году он встретил Лауру, свою
единственную музу. Лаура, созвучная лавру и зо-
лоту (л'ауро), Лаура, поджидавшая поэта как охот-
ница и жертва, Лаура, прекрасная как мир, но не-
доступнее мира — вот его вдохновение отныне.

Лаура взаимностью не ответила, — помолвлен-
ная еще в детстве, она стала многодетной мате-
рью, вошла во французскую знать, а ее кончина
произвела на поэта не меньшее впечатление, чем
вся ее красота и ее жизнь. Первый раз, наверное,
в истории, любовь не просто вызвала сильные
чувства, обычно не мешающие работе, но вскру-
жила голову: Петрарка вскоре вышел в отставку и
поселился в Воклюзе, «затворенном источнике».
Не просто укромное место, но глубокое озеро,
синева водного вдохновения в жаркий день, те-
нистые пути мысли и нависающие над головой
величественные скалы — вот что стало его духов-
ным домом. Петрарка также был вторым, после
его старшего современника Жана Буридана, про-
фессора Сорбонны, кто поднялся на вершину
Мон-Ванту, чтобы увидеть синеву скал и почув-

ствовать полноту воздуха нашего существования. Но если изобретатель парадокса о свободе воли, об осле меж двух копен, поднимался на гору, лишь дабы убедиться, что законы механики работают наверху так же, как внизу, то поэт Лауры поднимался, чтобы взглядом охватить то, что прежде возможно было охватить лишь словом.

Однокурсник Петрарки, советник папы Джакомо Колонна, жаловал ему доход с нескольких храмов, что позволило поэту купить домик и прожить в нем 16 лет, слушая лишь птиц и выходя поутру в золото рассвета. Верен себе и теплу дружественной мысли, даже в одиночестве переживаемой, он был и в последнем приюте жизни, в домике в Аркве, где он, любуясь звучной синевой холмов, радушный уже не к людям, а к целым эпохам, ласкал кошку, которую он потом в вечную благодарность торжественно забальзамировал. В XVI веке усыпальница кошки была отреставрирована и на ней появилась эпитафия, сочиненная местным каноником и, как и положено последователю Цицерона, превозносившая верную дружбу над любовными увлечениями:

Славный тосканский поэт пламенел двойкой

любовью:

Я была лучшим огнём, Лаура — только вторым.
Что ты смеешься? Ее полюбил лишь за облик
изящный,
А во мне он себе лучшего друга нашел.
Многими книгами ум он питал как великой
святыней,
Я их смогла уберечь от ненасытных мышей.
Чтобы любезную рукопись в тайне ученого
храма
Не повредили они, я сторожила порог.
Даже по смерти моей продолжаю беречь достоянье:
Хоть бездыханно лежу, верность я дому храню.

Но, уходя от людской молвы, Петрарка гремел целым оркестром славы: его письма, речи, стихи сделали поэта знаменитостью. Три города, Париж, Неаполь и Рим, спорили за право увенчать его лавром, как первейшего поэта эпохи — и нужно заметить, что тогда слово «эпоха» звучало не как сейчас, школьным обозначением безличного срока, но в полноте сил, как знаменование особого положения звезд, особого счастья, подкараулившего человечество. Славный в мире, где милости королей хотя бы иногда преклоняются перед нуждами добродетели, Петрарка избрал город Вергилия и Цицерона — на Пасху 1341 года он был увенчан лавровым венком и произнес